

Виктор Левченко

СМЕХ КАК РАЗЛИЧИЕ

В начале одной из самых известных философских книг XX столетия – «Словах и вещах» Мишеля Фуко – автор информирует читателя, что своим рождением эта книга обязана смеху, вызванному знакомством с «Китайской энциклопедией» Борхеса. Появление смеха объясняется Фуко пониманием нами невозможности классификации животных, подобно данной в описываемом средневековом дальневосточном сборнике, поскольку она не позволяет упорядочить привычный нам научный или социальный опыт. «Где бы еще могли встретиться животные, – пишет Фуко, – «и) буйствующие, как в безумии, к) неисчислимые, л) нарисованные очень тонкой кисточкой из верблюжей шерсти», как не в бестелесном голосе, осуществляющем их перечисление, как не на странице, на которой оно записывается? Где бы еще могли быть сопоставлены, как в не имеющем места пространстве языка?» [13, с. 33]. Демонстрируя, что эти различия животных порождают такой глубокий и загадочный опыт сознания как смех, Фуко одновременно показывает место их возникновения – пространство смеха, не дающего окончательной завершенности и синтеза смысла.

Действительно, загадочность природы смеха объясняется в том числе и принципиальной его незавершенностью, а также открытостью для прочтения неожиданных для нас смыслов предмета смеха в отличие от устремленности на завершенность и однозначность серьезного. Анализируя эти и некоторые другие аспекты смеха в предыдущих своих публикациях (см.: [8; 9; 10; 11]), я не рассматривал специально проблему соотношения смеха с первичным опытом сознания. В связи с этим, в качестве цели написания данной статьи мною предполагалось обнаружение истоков смеха в различении как фундаментальном опыте нашего сознания.

В истории философии обнаруживается достаточно эвристически ценные попытки тематизировать различие. Его, как основание опыта сознания, исследовали такие видные философы как Гегель в разделе «Сознание» одного из центральных своих сочинений «Феноменология духа», Brentano в проведенном им различии психических и физических феноменов, Husserl в аналитике интенциональности. Этой же проблемы касался и Heidegger в процессе осуществления своих онто-онтологических различий.

Данная тема является центральной и для работ таких знаковых (если можно подобным образом охарактеризовать экспериментаторов со знаками) представителей постструктурализма, как Жак Деррида (особенно в «Письме и различии» и «Различии») и Жиль Делез,

который «рассредоточивал» интуицию опыта различения в разнообразии тем и метафор своей книги «Различие и повторение». Выстраиванию концепции неагрессивного сознания как первичного опыта различений, коррелятом которого является мир как иерархия различенностей и предметность как различенное, посвящены статьи и доклады 90-х годов авторитетного российского феноменолога и переводчика Виктора Молчанова.

Действительно, рассматривая опыт смеха, нам следует в духе требований аналитического метода осуществлять метаразличения *смешного* как результата смеха, предметной актуальности, и собственно *смеха*, понимаемого как акт. Данная ситуация со смехом аналогична той, которую формулирует феноменологический принцип применительно к сознанию: никогда не равно предмету сознания собственно сознание предмета. Подобное выделение позволяет нам говорить об акте смеха как об определенном опыте, абсолютно всем доступном, который может быть и телесным, и эмоциональным, и интеллектуальным и т. п.

Например, на телесном уровне мы должны говорить о смехе как победе живой телесности, направленной вовне и поддерживающей эту устремленность в принципиальную незавершенность и неограниченность, над застылостью и ограниченностью телесного организма (в соответствии с различием организма *Körper* и тела *Leib*, данного Хельмутом Плеснером). Последний писал: «Открытость, непосредственность, спонтанность характеризуют смех; закрытость, опосредованность, постепенность – плач. Такие характеристики не случайны. Смеющийся открыт миру. Пребывая в состоянии освобожденности и оторванности от земли, человек хочет видеть свое единство с другими. В полную силу смех расцветает лишь в сообществе смеющихся вместе» (цит. по: [7, с. 380–381]). При этом для обнаружения смеха на первичном антропологическом уровне требуется различения себя от другого как условия собственной идентификации. Известно явление невозможности узнать правду собственного голоса, воспроизведенного в технической записи, тогда как голос посторонний всегда признается нами.

Укорененность смеха в телесности показывает, что он, осуществляя эту свою направленность вовне, не выводим из внешнего или внутреннего опыта. Предмет осмеяния может выступать для одних в качестве смешного предмета, а для других, напротив, не вызывать соответствующей реакции. Важно только помнить о предложенном еще Аристотелем в его учении об обусловленности добродетелей фронеизом (см.: [1, с. 323]) различении ситуации, когда надо смеяться

и когда нет повода для смеха. Недаром в таком интимном акте как сексуальный, в котором интерсубъективность телесно наиболее сильно выражается, различие между смехом и смешным соответственно и проявляется. Если, согласно недавним исследованиям Эрика Бресслера из университета Мак-Мастера в США, женщин привлекают мужчины, способные их рассмешить, а мужчин – женщины, способные оценить их юмор, то, с другой стороны, в моменты наибольшей интимной близости смех, внезапно возникающий у одного из партнеров, разрушает самые сильные эмоции, убивает любовь у другого (см.: [14]). Безусловно, когда у Аристотеля говорится «надо» применительно к смеху, это не означает обязательность как сущностное качество смеха. Скорее наоборот, его природа спонтанна и как я уже подчеркивал не предполагает внешнюю императивность, обнаружение которой лишь демонстрирует нежизненность, искусственность смеха.

Разъяснение смысла анекдота, шутки, почему необходимо смеяться, ведут к омертвлению предмета смеха, к утрате живого опыта различения (как это проявляется, например, в закадровом смехе в так называемых «юмористических» передачах на телевидении). Подобные ситуации нехватки различий указывают на деформацию смехового опыта и смеховой практики в целом. Эту ситуацию применительно к опыту сознания в целом В. И. Молчанов описывает следующим образом: «Различение – в отличие от синтеза и идентификации – никому ничего не навязывает, никого не угнетает, никого ни с кем и ни с чем не уравнивает. Различение как бы идет нам навстречу, но не сталкивается с нами и не проходит мимо, а в безмолвии и благожелательности открывает нам дальнейший путь различений» [12, с. 30]. Возникающий объект – смешное – поскольку на нем останавливается наша работа различения, есть негативная характеристика в отношении собственно самого опыта смеха. «Иначе говоря, объективация – это приостановка различений, а объект – это достигнутое в каждый конкретный момент и в каждой конкретной ситуации многообразие различений. Формирование объекта есть не что иное, как этапы приостановки различений [12, с. 297].

Поскольку в основе смеха, согласно классическому определению И. Канта в «Критике способности суждения», лежит «аффект от внезапного превращения напряженного ожидания в ничто» [5, с. 352], то предмет смеха не представляет собой что-то принципиально новое. Наоборот, он задается контекстуальной ситуацией практики различений, которая в нашем случае, ориентируясь на ожидаемое, обнаруживает значения и смыслы, отличные от предполагаемых нами. «Различение – это не образ, не знак, не предмет, но источник образа, знака, предмета (как различенного); различение – всегда сопряжено со значением образа,

знака, предмета.

Само значение – это не ментальный атом, способный к соединению с другими атомами, но отношение уровней контекстуального деления» [12, с. 299]. В знаменитой новелле Генриха фон Клейста «Театр марионеток» описывается история, демонстрирующая подобное различие естественности от механичности повторения, которое и вызывало смех у рассказчика. У некоего молодого человека однажды само собой получилось передать своими движениями античную скульптуру «Юноша, вынимающий занозу из ступни». Попытки же им из тщеславия воспроизвести эту позу оказались неудачными и делали его посмешищем в глазах свидетелей [6, с. 321–322]. Консервация им ситуации, сужение смыслового пространства помещали молодого человека в центр насмешек со стороны зрителей этой сцены. Потому смешным является не то, что бессмысленно, неправдоподобно, бестолково, а то, что позволяет узнать, понять такое, чего не понимает сам делающий или говорящий это. «То, что одними воспринимается как бессмыслица, для других серьезно, а для третьих (писателя, зрителя, читателя) есть вернейший путь познания таких сторон психики человека, которых он не *собирался* как будто бы обнаруживать», – отмечал эту особенность применительно к смеховой стороне творчества Н. В. Гоголя его исследователь И. Д. Ермаков [4, с. 67].

Различение как основание смеха лежит и в экспериментировании с языком. Намеренные языковые искажения принципиально ориентированы на выявление смешного в текстах, претендующих на позитивную культурную значимость. Примерами подобного отношения являются и такие интеллектуальные эксперименты начала XX века, как «сдвигология» трактата «Кукиш проشياкам» А. Крученых, благодаря слоговым сдвигам (соединению слогов соседних слов) обнаруживающего «какашки» в творчестве великих русских поэтов, например, М. Ю. Лермонтова, «перевернутый» язык, на котором написал часть своей поэмы «Янко – круль албанский» Илья Зданевич (Ильязд), и современное бурное творчество так называемых «падонков» в Интернете (см. российский сайт Udaff.com, «аффтарты», которого безграмотны намеренно и подчеркнута).

Подобная креативная работа с языком ведется вполне в соответствии с исторически первым классическим определением смешного, данным Аристотелем. «Смешное есть некоторая ошибка и уродство, но безболезненное и безвредное» [2, с. 650]. Смех связан с безобразием, не приносящим человеку, этому «смеющемуся животному», как называл его Аристотель, никакого страдания. Суть смеха в ситуации подобного языкового различия в том, что он разрешает назревший конфликт не

в виде поступка или поведения, а обращаясь к работе над словом, выражением, двусмысленностью (то есть скрывая показывает и показывая скрывает). В результате мир смешного представляется нам, если воспользоваться терминологией Гегеля, «миром наизнанку», перевернутым миром нашей повседневности, в котором одинаковое становится неодинаковым, а неодинаковое – одинаковым. При этом эти миры соотносимы следующим образом – «*один* есть мир как он есть *для чего-то иного, другой*, напротив, как он есть *для себя*» [3, с. 87].

В результате можно сделать вывод о том, что в смехе разрушается тождество предмета и значения. Выход за рамки этого тождества как бы выводит предмет из ситуации самодостаточности, но поскольку новые смыслы относятся к этому же предмету, то они снимаются в нем. Смешное как предмет, включенный в акт смеха, выделяется в нем самом благодаря выявлению собственной полисемии, и в результате оно становится неравным самому себе, требует выхода из ситуации самоограничения.

1. Аристотель. Большая этика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т.– Т. 4.– М.: Мысль, 1983.– С. 295–374.
2. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т.– Т. 4.– М.: Мысль, 1983.– С. 645–680.
3. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа.– СПб.: Наука, 1992.
4. Ермаков И. Д. Очерки по анализу творчества Н. В. Гоголя (Органичность произведений Гоголя).– М.; Пг.: Государственное издательство, 1924.
5. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения в шести томах.– Т. 5.– М.: Мысль, 1966.
6. Клейст Г. фон. О театре марионеток // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. – Т. III. – М.: Искусство, 1967. – С. 317–323.
7. Крюгер Х.-П. Об игре и ее границах в смехе и плаче вплоть до независимой улыбки // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології.– Вип. 5.– Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2004.– С. 366–385.
8. Левченко В. Л. Защитная функция смеха // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології.– Вип. 3.– Одеса: ООО Студія «Негоціант», 2003.– С. 148–153.
9. Левченко В. Метафизические размышления о смехе // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології.– Вип. 6.– Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2004.– С. 231–235.
10. Левченко В. Л. Смех и тело // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології.– Вип. 1.– Одеса: ООО Студія «Негоціант», 2002.– С. 70–75.
11. Левченко В. Л. Этнический анекдот в национальной идентификации / Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології.– Вип.

- 2.– Одеса: ООО Студія «Негоціант», 2002.– С. 231–235.
12. Молчанов В. И. Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания.– М.: Модест Колеров и “Три квадрата”, 2004.
13. Фуко М. Слова и вещи.– М.: Прогресс, 1977.
14. Grotjahn M. Beyond laughter. Humor and the subconscious-ness.– New York–Toronto–London, 1966.